

Владимир Юргель



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

И только тихий шёпот звёзд

Владимир Владимирович Юргель

И только тихий шёпот звёзд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57484523

SelfPub; 2024

Аннотация

Это повесть о любви. Любви, выходящей за рамки наших обычных представлений о том, что есть вообще такое эта загадочная, неуловимая любовь. Любви, которую консерваторы и либералы, феминистки и сексисты, патриоты и националисты называют разными именами. Любви, на чей-то взгляд порочной. На чей-то извращенной. Ну а на чей-то возвышенно романтической. В будущем человечеству предстоит столкнуться со многими вызовами. Но главный вызов, по моему скромному мнению, будет состоять в том, кого мы станем называть людьми. Много лет назад Филип Дик уже задал вопрос: "Мечтают ли андроиды об электроовцах?" Теперь и я хочу спросить своего читателя: "Мечтают ли андроиды о свободе?"

Содержит нецензурную брань.

Владимир Юргель

И только тихий шёпот звёзд

Пролог

«К 2022 году, роботы станут настолько же привычными, как домашние животные. Правительства развитых стран начнут принимать законы, регулирующие взаимоотношения между людьми и роботами. Люди получают системы виртуальной реальности, формирующие изображение непосредственно на их сетчатке. Пользователи будут общаться со своими компьютерами через двусторонний речевой и жестовый интерфейс, практически не пользуясь клавиатурой. В период с 2020 по 2025 годы появятся компактные персональные летательные аппараты. Мы научимся эффективно бороться с процессами старения и будем постоянно продлевать свою жизнь с помощью нанороботов и других технологий, которым пока нет даже названия».

Рэймонд Курцвейл. Известный американский изобретатель и футуролог. 2016 г.

«В последнее время возможность введения регулярных выплат определенной суммы денег каждому члену общества вне зависимости от уровня дохода активно обсуждается в

некоторых богатых странах. Между тем, эта идея существует уже несколько веков. Хотя на эксперименты человечество решилось только в последние десятилетия. В 1968 г. в США 8,5 тыс. человек получали гарантированный доход в размере \$1600 на семью из четырех человек. В целом эти выплаты никак не повлияли на занятость, но улучшили социальные отношения. Но дальнейшее распространение безусловного дохода было заблокировано республиканцами. В Канаде в 1970-х гг. такой эксперимент проводился в городе Дафин, где 30% населения получили сразу \$15 тыс. Согласно исследованию результатов дети из семей, получающих помощь, чаще оканчивали среднюю школу, также сократилось число обращений к врачам. И опять же на занятость эксперимент никак не повлиял.

В Намибии в деревне Очиверо с населением около тысячи человек коалиция благотворительных организаций, организация по борьбе со СПИДом, профсоюзов и церковью запустили пилотный проект, в рамках которого в течение года выплачивали каждому жителю ежемесячно 100 намибийских долларов (примерно 9 евро). Результаты оказались исключительно позитивными. Как показало исследование, проведенное после эксперимента, уровень жизни в деревне заметно повысился – мужчины прекратили заниматься браконьерством, дети перестали голодать, а в школе их успеваемость повысилась. Также на 11% увеличилось и количество занятых и работающих людей – жители открывали булоч-

ные, парикмахерские, артели по производству кирпича. Потребление алкоголя резко сократилось, уровень преступности понизился на 42%, а общее количество людей, живущих за чертой продовольственной бедности, упало с 76 до 37%.

Но с экономической точки зрения безусловный основной доход выглядит довольно утопично, так как безусловный общий доход просто означает перемещение денег из инвестиций в потребление – с одной стороны, инвестиции не были сделаны, стало меньше возможностей увеличить богатство, а с другой – индивидуум, которому выделили эти деньги, не должен работать и предоставлять свои услуги, чтобы получить выгоду. Но, как говорят нам примеры, приведённые выше, спад трудовой активности там, где был введён безусловный общий доход, был крайне незначителен.

Однако предсказать то, как БОД повлияет на трудовую активность в рамках государства, практически невозможно. Вряд ли небольшие эксперименты, в которых в основном участвуют безработные, дадут нам полное представление о влиянии базового дохода на поведенческие мотивы и поступки населения. Для этого необходим масштабный эксперимент, в котором бы участвовали разные слои населения, и он должен длиться хотя бы пару десятков лет. Но на подобное пока никто не готов, а значит идея базового дохода не будет воплощена в ближайшие годы».

«Вести. Экономика. 2017 г.»

«Сегодня, в этот ужасный для всей нации день, мы глубоко скорбим по невинным жертвам, беспрецедентного в своей жестокости, акта террора. Мы столкнулись с вызовом. С настоящим испытанием, и я не побоюсь этого слова – с самым настоящим злом. Которое обрело форму людей, чьи представления о том, каким будет наше будущее, идут вразрез с нашими. Но мы не допустим того, чтобы все на чем строилась наша демократия, наши ценности, окропленные кровью наших великих предков, наша вера во всеобщее равенство людей перед законом, пошатнулись перед грязными популистскими выкриками о том, что пришло время проявить строгость и жестко ответить на эту кровавую провокацию. Наша нация построена на принципах свободы, равенства и братства, и никакие ни внешние, ни внутренние угрозы, не заставят нас смотреть на наших соседей, коллег по работе и друзей с подозрением в глазах».

Жан Делятур. Президент Французской Республики. 2037 г.

«Это ведь не просто андроид. Это партнер. Это самая настоящая вторая половинка. По крайней мере, она никогда не скажет вам, что у нее болит голова (смех в зале). И я просто уверен, что мужчины, покупающие себе наших роботов, будут относиться к ним с той же долей уважения и ответственности, с какой они относились бы и к настоящим женщинам (аплодисменты)».

Из выступления Оскара Дроппа. CEO торговой компании «Калипсо». 2065 г.

«Переговоры? Ну что вы! Помилуйте, ради Бога! Какие могут быть переговоры с трусливыми убийцами? Сначала я сложу пирамиду высотой в Пантеон из ваших отрезанных голов, а потом вернусь в Канзас, и остаток дней проведу за чтением и катанием на лошадях».

Бригадный генерал Дональд Стайн. 2115 г. Вторжение союзных войск в Европу. Операция «Гильотина».

«Зая? А почему небо голубое?»

Алиса. Человекоподобный робот-партнер. Модель 35Н108. 2196 г.

Глава первая

Повесть является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами случайны.

Станция переработки руды P34WHISKEY
Луна. 2208 г.

– Ты ведь меня не бросишь?

Положив тоненькую ручку мне на грудь, Алиса уставилась

немигающим взглядом в стену каюты. Я рассеянно игрался с ее смешными косичками.

– Не продашь? Не поменяешь на новую модель? Не оставишь в центре замены? Правда?

Она вдруг резко запрыгнула на меня, и стала смотреть то в один глаз, то в другой. Словно пыталась прочитать мои мысли. Я разозлился.

– Блин, Мышонок! Слушай! Ну сколько можно? Мы уже обсуждали с тобой это кучу раз. Даже если я и начну с кем-нибудь встречаться, ты все равно останешься для меня самой лучшей подругой. Боевой подругой. Незаменимой. В конце концов ты знаешь, как я к тебе отношусь.

– Да. Ты хороший, – тихо сказала Алиса. Я потеревил кончик ее носика. Она скользнула чуть ниже, дунула мне в пупок: «Пфррр» и встала с кровати. Натянула на себя штанишки и черную хлопковую маечку.

– Есть будешь?

– Не. Потом. Не хочу. Принеси мне кофе, плиз.

– Сейчас, – ответил робот и быстро вышел из каюты в бесшумно отъехавшую дверь. Уронив расслабленный взгляд на стоявший возле кровати низенький столик, я увидел пачку сигарет и кряхтя, без особого желания вылезать из-под одеяла, протянул руку и взял ее. Достал темно-серую палочку. Хрустнул фильтром. Затянулся, и выпустив длинную дорожку искрящегося в свете каюты дыма, задумался. Смена заканчивалась. Кевин прилетел три дня назад. И если бы не

полетевшая система охлаждения на главном конвейере, мы с Алиской уже паковали бы вещи. Но пока поломку не устранят, сдать смену я не мог. На центральной базе, ответственный за станции переработки был Лебедев.

Надменный толстяк, с вечно серьезной и хмурой физиономией, услышав по видеосвязи о произошедшем, сначала молча сверлил меня своей ярко-голубой «линзой», затем пожал плечами, и разведя руки в стороны, с патетическим надрывом в хрипловатом голосе, сказал кому-то невидимому: «Почему я не удивлен? Где Арсеньев, там постоянно какая-то херня случается. Особенно, когда вахту нужно закрывать». И отключился. Мудак. Кевин услышав жалкую тираду Лебедева, и увидев мою сморщенную физиономию, похлопал по плечу стоящую с открытым ртом Алиску и тихонько сказал мне на ухо:

– Не сцы, Влад, Толстый просто выпендривается. Я Франческе звонил. Они уже ремонтника вызвали. Завтра должен прийти.

Я с благодарностью глянул на Кевина. Он продолжил:

– Я бы может и смог починить, да на станции инструментов кот наплакал. И вообще, нафиг нужно. Мне за это точно не доплатят.

– Уважаааю, – протянул я.

– Кевин, а я вам испекла грибной пирог, – держа руки за спиной и с улыбкой глядя на сменщика сказала Алиска.

– Моя ты девочка! Дай я тебя поцелую, – заржал Кев, и

подхватив андроида на крепкие руки подбросил ее в воздух.

– Ай, – завизжала Алиса, – пустите!

Я скупо улыбнулся и пошел в каюту. Прямо в одежде повалился на кровать. Матовый цвет потолка навевал легкую тоску. Чуть заметный гул от реактора начинал вызывать неприязнь. Все-таки восемь месяцев в одиночестве, несмотря на то, что скучать на станции я себе не позволял, это чересчур. «А может бросить все к хренам, да и устроиться где-нибудь на Земле?» – вяло подумал я. Воспоминания о прежней жизни застыли слизким комком в глубине души, и лишь изредка, когда я напивался, выползали наружу и вводили меня в долгую хандру. Работа на лунной станции для человека с моим образованием – это дно. Конец. Жопа. Но честно говоря, я еще легко отделался.

На выпускном вечере, мы с Хубертом решили стонять на глайдере за добавкой. Я сел за штурвал пьяным, и не рассчитав скоростной режим всадил аппарат в женское общежитие. Мне просто сказочно повезло, что все девчонки в тот вечер танцевали на балу. Хуберт погиб на месте. Я стал гордым обладателем искусственной ноги и композитного имплантата в черепе. Суд был жесткий, быстрый и показательный. Девчонки плакали, Хуберта обожал весь факультет. Я прятал глаза от его матери, которая словно надеясь, что все происходящее просто сон растерянно озиралась по сторонам. Сжав зубы я выслушал вердикт – шесть лет поражения в правах. Погоны с меня сорвали сразу же после оглашения приговора. Буду-

щее, о котором я так долго мечтал, с грустью обернувшись на циничного прожигателя жизни в последний раз, исчезло в мрачном дыму затяжной и тяжелой депрессии.

Вероника бросила меня почти сразу после суда. Очаровательная девочка из приличной венесуэльской семьи, не смогла смириться с тем, что ее будущий муж стал убийцей. Благотетя Эмма, промокнув платочком слезы, тихонько прошептала: «Вовочка, не волнуйся! Все будет хорошо! Шесть лет пролетят, даже не заметишь». А наутро привезли Алиску. Тетя позвонила чуть позже и мило стесняясь сказала: «А это, чтобы ты не скучал в гордом одиночестве. Подарок от нас с Эдвардом. Не обижай девочку, пожалуйста. Модель новая. Безумно дорогая. Еще толком необкатанная».

Так я познакомился с Алисой. Она андроид. Выглядит как юная девчонка. Невысокого роста. Мягкие искусственные волосы плавными волнами спускаются к небольшим грудочкам. Аккуратный носик. Темно-карие, вечно распахнутые от удивления глаза и худенькое, но крепкое тело. Я, признаюсь откровенно, сначала поступил по-скотски. Напившись до беспамятства от «офигительных» перспектив, открывающихся уже перед бывшим офицером Академии, в тот же вечер доколебавшись до бедного робота по надуманной причине, я ее побил, а потом и трахнул. Жестко. И угрызений совести по этому поводу особо и не испытывал. Ведь она спроектирована как искусственная подруга для одиноких мужчин, а мужчины бывают разные. В том числе и такие, как я.

Поначалу мне пришлось довольно нелегко. Однако через некоторое время я не только привык к работе на станции, но и после отбытия срока остался здесь. Чем окончательно настроил против себя родителей и потерял всех бывших друзей. Алиска, как верная жена декабриста, моталась со мной на вахту уже двенадцатый год. Ее модель давно устарела, а секс превратился почти в семейный. Но представить другого робота на ее месте я решиться пока не мог. Вахта – восемь месяцев в «глубине», четыре – на Земле. Денег хватало на аренду старого домика под Смоленском и маленькие радости жизни, типа спорадических поездок в близлежащий бар. Серьезных отношений у меня так и не сложилось. Хотя я иногда и подумывал о том, чтобы завести постоянную подругу, а возможно даже и семью. К сожалению, а скорее к потаенной радости, ни моя финансовая ситуация, ни специфика работы, ни довольно юный для XXIII века возраст, не позволяли рассматривать эти блаженные мысли на полном серьезе.

Вечером, наевшись до отвала, Кевин смачно рыгнул, достал металлическую трубочку с «дурыю» и спросил:

– Будешь?

– Не, спасибо. Я по старинке, винцом зашлифуюсь.

– Как хочешь.

– Новости смотрел? – спросил я, впрочем, без особого интереса. – Что нового?

– Аааа, что там будет нового. Все как обычно. Конфедерация щемит наших. Совет затягивает гайки. На второго ан-

дроида теперь нужно разрешение префектуры, а ты его, – он ногтем содрал с трубки алюминиевый колпачок, – как сам прекрасно понимаешь, хрен получишь.

– Да ладно? – я посмотрел на него с удивлением. – С какого перепугу?

– Ну, – Кевин поднес трубочку к ноздре, закрыл глаза, резко вдохнул, шумно выдохнул и после небольшой паузы, открыв их снова, продолжил, – они считают, что андроидов слишком до хера стало. Типа, и так перепроизводство.

– Не понял. То есть, если я захочу «девку» поновее, Алиску мне придется сдать?

– Ага, – вальяжно откинувшись на стуле ответил Кев. – Только тебе то че волноваться? Вы с малой уже как муж и жена. Я тебя даже и не представляю без нее.

– Да я так. Спросил просто, – взяв в руку стакан с вином я опрокинул в себя янтарную жидкость. Провалилось с трудом. Кевин обвел глазами кают-компанию и вдруг, со всего маху, ударил кулачищем по столу. Бутылка с вином подпрыгнула, но устояла, а Алиска, копошившаяся возле холодильника, резко обернулась.

– Бля, ну хоть убей, я не понимаю, какая им разница? Они уже и так имеют все. Самые лучшие земли и дома. Самых красивых баб. Нанороботов. Любых андроидов, не говоря уже о всякой чуши вроде «летающих досок». А что имеем мы? Бесплатную пайку каждый день? Мелочь для поддержания штанов? Возможность купить андроида и трахать его,

когда нам вздумается? А теперь что? Сначала роботы, а потом и безусловный доход отменят? В чем прикол? Кто они такие, чтобы ущемлять наши права?

Я хмыкнул.

– Права, права... Заколебали вы с вашими правами. Хрен с ними. Тебе какая разница? Я, например, купить нового андроида не могу себе позволить. Да и в ближайшем будущем не смогу. Если бы не родня, у меня Алиски даже в проекте бы не было. Тебе чего плакаться? Ты грил, что у вас квартира с Кэндис на двоих, квадратов сто, наверное, будет, но! – я поднял палец вверх – Но бесплатная. Она в муниципалитете работает. Ты по вахтам гоняешь. Плюс «карманные» получаете. А андроиды, «летающие доски»... – я зевнул. – Не жили богато, не фиг начинать.

– Ай, блядь, – выругался Кевин, обращаясь непонятно к кому, махнул рукой и снова поднес трубку к лицу.

Тонкий писк шлюзового отсека перешел на резкое контральто и, для порядка моргнув изумрудным датчиком, замолк. Дверь грязно-зеленого цвета с громким жужжанием распахнулась, и мы с Кевином вылупились на стоящую в аквамариновом свете белокурую девушку, одетую в темный комбинезон. Девчонка задорно улыбаясь шагнула в «предбанник», и не обращая внимания на наши удивленные рожи протянула мне руку.

– Берта, – представилась она.

– Владимир, ммм, то есть Влад, – промычал я и пожал

довольно крепкую теплую ладошку.

– Кевин, – пробормотал мой сменщик.

– А тебя как зовут? – с легким естественным любопытством спросила Берта посмотрев на андроида.

– Алиса, – с широкой улыбкой ответил робот. – Как хорошо, что вы прилетели. А то мне одной среди мужчин было скучно.

Я укоризненно посмотрел на Алиску и спросил:

– Как дошли? Если честно, то мы не...

– Не ожидали, что ремонтник будет девушка?

– Ну, типа, да, – закивали мы головами с Кевином.

– Берта Вайант. Старший механик компании «Синергия».

Моих всех перекинули на реактор «Эсмеральды», она на околоземной орбите зависла, а я была недалеко от вас. Вот и решила навеститься. На «Эсмеральде» такой аврал был... – она покачала головой, – как проклятые пахали четыре дня подряд. Мои андроиды остались доделывать мелочевку, а я решила перед отпуском хорошее дело сделать. Да и Лебедефф ваш поднял шум на всю Солнечную систему. Как будто конвейеры раньше из строя не выходили.

– Да, – ответил я. – Он у нас своеобразный. А сам, якобы невзначай, бросил взгляд на шеврон и нашивки на рукаве её комбинезона.

– Простите, вы голодны? Душ принять не хотите? – спросил я.

– Не откажусь.

– Малая, отведи гостью в душ, а потом накрывай на стол, – повернувшись к Алиске скомандовал я.

– Есть! – со звонким смехом громко ответила Алиса.

– Давай, ребенок. Быстрее. Стой!

Алиска застыла. Я начал отряхивать следы от муки на ее брючках, в которую долбешка где-то влезла.

– Все, вали! – сказал я и хлопнул ее по заднице, повернувшись к Берте и краем глаза успел заметить, что она пристально смотрит на меня. Девушка поспешно отвела взгляд.

Через пару часов все собрались в кают-компании. Как только Берта вошла в помещение, Кевин присвистнул, я обомлел, а Алиска вскочила со стула и сделала книксен. На Берте был черный джемпер под горло, простоту и скромность которого разбавлял вышитый золотыми нитками небольшой четырехлистник посередине груди. Последний идиот на Земле знал, что это обозначает. Четыре семьи, члены которой и составляют верхушку Совета 300, управляющего планетой. Много лет назад, наши предки уже имели что-то типа организации, призванной объединить страны, и которая, якобы, должна была регулировать мировой порядок и экономику. Но с течением времени, ООН полностью доказала свою несостоятельность. А после Второго Крестового Похода и Большого Раздела, Организация Объединенных Наций и вовсе была распущена. На ее место пришла новая аристократия. Совет формировался из представителей самых влиятельных и богатых кланов и семей Земли, а его эдикты были

истиной в последней инстанции. И да, обычному человеку за ношение знака «четырёхлистника» на одежде, полагались немедленное поражение в правах на год и большой штраф. Не мы такие, жизнь такая.

Я откинулся на стуле и посмотрел на Берту совсем другими глазами. Девушка, чьи роскошные, длинные, светлые волосы были заплетены в «конский хвост», явно смущалась наших с Кевином взглядов, в которых сквозил один вопрос: «Какого хера?» Она махнула Алисе рукой, выдвинула стул, села и вымученно улыбнулась.

– Извините, но чтобы сразу расставить точки над *i*, я родилась в одной из «Семей».

Тягостное молчание повисло за столом. Кевин, с явным любопытством, пялился на голографический экран с фриковатым диктором, вздохнул несущим какую-то ахинею. Алиска убежала на кухню, проверить не подгорел ли клубничный торт. Я, решив разрядить обстановку, потянулся к бутылочке вина, которая была похожа на маяк из темно-зеленого стекла, возвышающегося посреди скромно накрытого стола.

– Ну, давайте, что ли, выпьем? За прилет, так сказать.

– С удовольствием, – воодушевленно ответила Берта и протянула мне пластиковый стакан.

Я нагло посмотрел ей в глаза. Девчонка взгляд не отводила. Я налил ей, Кевину, показавшего жестом, мол, чутка, и поднялся со стула.

– Предлагаю выпить за прекрасного механика, не только

порадившего нас своей красотой, но и который оказался полным загадок.

– Чин, чин, – пробормотал Кевин, и мы чокнулись стаканами. Жаркое, благодаря Алиске, было превосходным. Кевин ел быстро и жадно. Берта к еде почти не притронулась. Я ел ровно столько, чтобы не перебивать градус.

– Эээ, Берта, можно на ты? – немного помявшись от неловкости спросил я.

– Легко, – чуть качнув головой сказала она.

– Не расскажешь? – я неопределенно махнул рукой на ее грудь.

– Почему бы и нет, – спокойно ответила девушка, и играясь вилкой сказала:

– Моего отца зовут Дональд Стайн.

– Стайн?! – Кевин аж перестал жевать от удивления.

– Стайн? – недоверчиво переспросил я.

– Да. А почему это вас так удивляет? – уже с каким-то вызовом ответила Берта и посмотрела на нас с Кевом.

– Я просто взяла фамилию мамы. Мой отец Дональд Стайн. Но я не разбалованная дурочка из богатого поместья. Я старший механик, и заслужила свои нашивки не из-за фамилии.

– Да мы ничего против не имеем, – поморщился я, – просто пойми, это все как-то неожиданно. Старший механик и дочь одного из самых известных людей планеты. Даже можно сказать одного из создателей Новой Цивилизации.

– Я привыкла уже, – спокойно глядя на меня ответила Берта. – Мальчишки на базе тоже сначала не могли поверить, но вы прекрасно знаете, что за красивые глазки и известного папочку, меня бы не сделали старшим механиком. Слово «папочка» она произнесла с явной издевкой. «Эгегеее, – подумал я, – не все так гладко в Датском королевстве».

– Стой! – меня вдруг осенило. – Подожди! Получается Гектор Стайн твой родной брат?

– Да, – чуть растерявшись ответила Берта, и чуть заметно напряглась.

– Мы с ним учились вместе. В Академии.

– Я знаю. Он рассказывал про вас... Про тебя.

Кевин присвистнул второй раз.

– Так у вас здесь прям встреча старых друзей получилась, – без особого воодушевления проговорил мой сменщик. – Как тесен мир.

Я потянулся к бутылке с вином. Берта отрицательно покачала головой, а Кев накрыл стакан рукой. Я налил себе.

– Ну, за Гектора. Я помню, он хороший был парняга.

– Он и сейчас неплохо выглядит, – иронично отметила Берта.

Я жадно выпил. Вино чет не пошло. Я обернулся к Алиске. Она тотчас же протянула мне апельсиновую дольку. Я занюхал, откусил маленький кусочек, пожевал и сказал:

– Извини, мы тут привыкли по-свойски обедать.

– Ничего страшного, – засмеялась Берта, – мы с мальчиш-

ками, когда запаримся, тоже на этикет особо внимания не обращаем.

– Прости, но на языке вертится вопрос.

– Я поняла, – ответила девушка. – Я так решила! Я всегда хотела всего добиться сама, а возиться с техникой любила с самого детства. Отец конечно был против, но мне наплевать. Это моя жизнь, и я буду решать сама, кем мне работать и как мне жить.

– Ясно, – усмехнулся я, – а живешь где?

– Снимаю квартиру в Рино, в Неваде. Кстати, довольно далеко от нашего семейного гнездышка.

– Простите, – вмешался Кевин, – вы ведь Конфедератка?

– Разумеется, – с быстро промелькнувшим в глазах холодным блеском резко ответила Берта, – а у вас что, с Конфедерацией проблемы?

– Нет, ну что вы, – Кев извиняющимся жестом поднял ладони вверх, – просто я из Иллинойса.

– И как поживает Иллинойс?

– Вашими молитвами – прекрасно.

– Я рада за вас, – с металлом в голосе ответила Берта.

– Так, блядь, извините за мат, – вмешался я, – но здесь пока еще я хозяин станции, и поэтому призываю всех присутствующих быть предельно аполитичными.

– Да я просто спросил, – пожал плечами Кевин.

– И тебе ответили, – внимательно глядя на него закончил я.

Впрочем, натянувшуюся уже было атмосферу разрядила Алиска, принеся в кают-компанию клубничный торт. Торт был действительно превосходный. Кевин, облизывая джем, который норовил вылезти из сочных коржей, начал шутить. Берта аккуратно, пользуясь вилкой и ножом, отрезала маленькие кусочки и тихонько смеялась над шутками Кевина.

Я смотрел на нее. И понимал, что мне наступает пиздец. Ее «конский хвостик» мелко подрагивал от смеха. Зеленые глаза иногда стреляли в меня молнией девчачьего интереса. Чуть видимые веснушки на носике, вызывали жгучее желание его укусить, а маленькая грудь, под обтягивающим крепкое тело джемпером, их поцеловать. «Симпатичная малая», – отстраненно подумал я. Берта перехватила мой взгляд и покраснела. Ей богу, покраснела. Я растерялся. За восемь месяцев, проведенных на станции, я уже подзабыл, как вести беседу с очаровательной, живой девушкой. Когда я возвращался с вахты домой, у меня нет-нет, да и получалось иногда склеить на ночь какую-нибудь девчонку. Как правило, далеко не умницу и не красавицу. А уж покраснеть их могло бы заставить лишь только чрезмерное пребывание на солнце без защитных кремов. Проблема двадцать третьего века, хуле здесь еще сказать.

Меня понесло. Я потянулся к бутылке.

– Кому обновить?

Кевин уплетая торт отрицательно покачал головой. Берта, мило улыбнувшись, сказала:

– Нет. Спасибо, Влад. Завтра рано вставать. Кстати, ты не поможешь мне с ремонтом?

Я смутился. Вообще-то технарем был Кевин. Я хоть и управлял станцией, но Кев получил в свое время бакалавра по системам жизнеобеспечения и инженерным коммуникациям. Не поднимая глаз на девчонку он стал жевать медленней. Я все понял мгновенно. Иллинойс находился под контролем Голубых лент. Берта была Конфедераткой. А учитывая тот факт, что дочь одного из советников скорее всего относилась к Голубым лентам с такой же симпатией, как аллергик относится к весеннему цветению, я был единственным, кто мог ей помочь.

– Кев? – напряженно спросил я. – Ты не против?

– Да без вопросов... – зыркнув исподлобья на Берту ответил сменщик. – Только не ломайте мне там ничего.

Девушка с презрительной улыбкой повернулась к нему.

– Ну что вы, Кевин. Не стоит беспокоиться. В самом запущенном случае, ну если моя квалификация старшего механика с высшей степенью допуска не позволит мне починить систему охлаждения конвейера двадцатилетней давности, я лично, несмотря на разногласия в наших политических взглядах, отсосу вам прямо за этим столом. Даю вам слово. А Стайны всегда держат свое слово. Если же вы отвыкли от секса с живой женщиной, я подарю вам андроида. Любого цвета кожи и пола. Благо, как гражданка Конфедерации и резидентка Канзаса, я имею право дарить их сколь-

ко угодно.

Берта встала, резко махнула в сторону Алисы, которая опять сделала книксен, и вежливо пожелав всем спокойной ночи гордо вышла из кают-компания.

– Сука, – прошипел со злобой Кевин.

– Ты дебил? Она дочь советника. Ее одно слово, и на станцию в следующий раз прилетит другой сменщик, – озираясь на дверь сказал я шепотом.

– Да я понимаю. Так. Накатило, – отводя от меня глаза проговорил раздосадованный мужчина. – Сука гребаная. Ты там с ней поаккуратней. Хер знает, что у нее в голове. Ты поверил этой сказке про механика? У нее даже айди-браслет как у нас с тобой.

– Я видел нашивки, и они настоящие. А браслет... Поэтому Алиска сразу и не прочухала кто она.

– Ну завтра увидишь, какой она механик.

– Не сцы, Кев, – похлопав парня по плечу, пьяно улыбнулся я, – если она засланка, мы ее зарежем, расчленим и спустим в утилизатор. А Алиска заметет все следы.

– Иди уже, убивец, – отмахнулся Кевин. – Действительно рано вставать.

– Вот за это я тебя и люблю. За понимание! – я поцеловал Кева в лохматую макушку и позвал Алису:

– Аля, ты скоро?

– Иди ложись, я приду минут через двадцать.

– Оки-доки, – промурлыкал я про себя, прихватил со сто-

ла бутылку вина, поболтал ее, и убедившись, что на пару стаканов еще хватит, пошел в каюту.

Кевин внешне выглядел спокойно, хотя в душе у него все вибрировало от ярости. «Сука белобрысая. Мразь конфедератская», – думал он про себя играя желваками. Берта, раскрывшись с неожиданной стороны, поразила его, и, хоть он и не хотел себе в этом признаваться, слегка напугала. Кев не считал себя повернутым на политике, но отец Кевина, напротив, любил упоминать своих предков, которые были участниками Сопrotивления, почти полностью уничтоженного во время Большого раздела.

Соединенные Штаты, после безумно жестокой и кровавой гражданской войны, развалились на две неравные части. Зона влияния Голубых лент охватывала территории бывшей Канады, проходила через Северную и Южную Дакоту, стелилась через Айову, огибала Иллинойс и делала резкий крен к практически безжизненному Висконсину. Почти весь Северо-Запад, Юг и Восток контролировала Конфедерация, которая хоть и презирала Голубые ленты, но вынуждена была с ними считаться, дабы не ввергнуть страну в пучину очередной войны, а учитывая тот факт, что Совет 300 и администрация Управления Внеземельными Ресурсами располагались в Канзасе, на политической арене двадцать третьего века именно представители Конфедерации решали, как, кто и когда будет жить или умирать на потрепанной Первым и Вторым Крестовыми походами Земле.

Войдя в каюту, первым делом я начал разыскивать запропастившийся, как всегда и бывало в подобных случаях, стакан. Плюнув на безрезультатные поиски, и в глубине души пообещав Алисе устроить головомойку, я хлебнул добрый глоток прямо из горла. Сел на кровать и застыл, глядя в одну точку. «Бер – та... Бер – та...», – в унисон с именем совсем незнакомой молодой женщины стучало сердце. Честно говоря, мне было совершенно наплевать на статус ее папочки. Я сам родился не в простой семье, а как гражданин Великого Княжества Российского, имел право жить и работать почти в любой точке нашей планеты. «Берта. И имя ей подходит на сто процентов», – отстраненно подумал я. Алкоголь медленно проскользнул в распахнутые настежь створки моей души, наполнил ее бешеным восторгом от случайной встречи с человеком, которого я ждал все эти годы, и ударив в голову звонким набатом воспламенил мое сердце.

Я влюбился.

Пискнул замок входной двери и Алиска, держа в руках поднос с металлическим кофейником и тарелкой с печенюшками, смешно семеня ножками зашла в каюту. Я почему-то одновременно разозлился и расстроился.

– Кофе тебе принесла. Госпожа сказала завтра рано вставать.

– Не буду я кофе, – пробурчал я, – и она тебе не госпожа. Я твой хозяин.

– Зая... – голос Алисы изменился: «Человек с идентифи-

кационным браслетом класса А является господином любому андроиду в любой точке планеты. Андроид обязан выполнить любое распоряжение человека с идентификационным браслетом класса А, если оно не вступает в конфликт с первым законом робототехники. То же относится и к человеку носящему на себе изображение «четырёхлистника», – выстрелила автоматом Алиска.

– Да знаю я это все. В свое время постоянно с «листами» тусил, – вяло отмахнулся я от нее и сделал еще один большой глоток. – Все это херня! Я твой хозяин, и ничего она тебе не может приказать.

– Она красивая, – протянула Алька с восхищением в голосе. – Она тебе нравится?

– Ну ничего такая, симпатичная, – чуть помявшись ответил я.

– Вы были бы красивой парой, – заключила Алиска.

– А ты бы нянчила наших детишек, которых ни одна современная девушка не хочет заводить лет уже как пятьдесят, – с сарказмом ответил я.

– Даааа, – громко вздохнула Алиска и раскинув в стороны руки повалилась рядом со мной на кровать. Ее ситцевое платье задралось, обнажив худенькие загорелые ножки. Во мне пробудилось желание.

– Иди сюда, – поставив бутылку на стол я скользнул ладонью по ее крепкому бедру. Аля поднялась, задорно на меня посмотрела, медленно сняла через голову платье и ти-

хо спросила: «Как ты хочешь?». Я показал ей глазами с чего нужно начать. Алиса опустилась на колени, и ее ритмично покачивающаяся головка унесла меня прочь и от станции, и от Конфедерации, и от скорого возвращения на планету, где я так и не смог найти себе места за эти годы. Я устроился поудобней на кровати.

«Берта...», – подумал я и закрыл глаза.

С утра я блевал раза три. В последнее время, похмелье стало просто невыносимым. Даже «Алко-стоп» вроде бы сначала заряжал энергией и дарил ясную голову, но через минут десять, меня опять полоскало как шелудивого кота. Жизнь и работа при низкой гравитации имеют свои минусы.

– Блядь, – сидя возле унитаза и вытирая слезы я ругался на Алису, – твоим гребаным тортом отравился.

– Ты всегда так говоришь, – ничуть не расстроившись ответила малая.

– Сколько времени? – прохрипел я.

– Пора, Зайка. Госпожа уже сидит в кают-компании минут как десять. Новости смотрит.

– Ну почему Кевин не Конфедерат, – застонал я. – Лан, попробую.

– Я тебе потом супчика принесу. Горячего.

– Хорошо.

Пошатываясь, я направился по коридору. Зайдя в кают-компанию, неловко поздоровался, глянул на экран на котором быстро мелькали кадры какого-то пожара и направил-

ся к кофе-машине.

– Доброе утро, – ответила Берта, с интересом глядя на меня. – Думала ты не встанешь. Я бы, наверное, умерла, если бы вчера столько выпила.

– Что нас не убивает, делает нас сильнее, – похмельный мозг выдал где-то ранее услышанное изречение.

– Влад, – Берта поднялась, сложила руки на груди и облокотилась на спинку стула. – Если честно, мне там особо и нечего помогать. Просто люблю болтать, когда работаю. Можешь опохмелиться, если совсем плохо. Мне это не помешает.

Я пристально посмотрел на нее.

– Точно?

– Да. Без проблем. Я подожду.

Немного поколебавшись, я открыл дверцу шкафчика и достал пузатую бутылочку настойки, которую Алиска время от времени готовила из замороженных фруктов. Плеснул себе на два пальца, и взяв кружку с кофе во вторую руку и шумно выдохнув, выпил резким глотком. Запил кофейком. Подождал. Вроде попустило.

– Спасибо, дорогая! – сказал я с чувственным акцентом. Причем «дорогая» я употребил намеренно. Узнать, поставит меня девушка из «листа» на место или нет.

– Для своих, всегда пожалуйста, – улынулась Берта. «Для своих!!!» – мысли запрыгали в голове как шальные тараканы. Что бы это значило?

– Пойдем?

– Пошли.

...Гектор тогда вернулся с охоты, а я вся в клубнике перемазанная. Он как заорет: «Берта! Что случилось? Ты ранена?» Я ничего не понимаю. Поняла только, что он злой и испуганный, ну и давай реветь. Он испугался еще больше. Трясет меня за плечи и орет: «Что случилось? Кто тебя обидел? Аскольд! – это андроид наш. – Аскольд! Общая тревога!» – а посмотреть на айди-браслет и убедиться, что я в порядке не судьба. Ох и дал ему потом папа. Все поместье перекрыли. Шутка ли, сын хозяина тревогу объявил. А клубнику с тех пор я есть перестала вообще.

Отсмеявшись я сказал:

– Кстати, можно вопрос? Почему у тебя браслет, как и у меня? Насколько я знаю, у членов семей Совета другие айдишки.

Берта улыбнулась глазами из-под био-маски.

– А почему ты решил, что он такой же, как и у тебя? Потому что твой робот не поклонился, когда меня увидел?

Я смутился.

– Нууу, как бы да. Лан, я понял. Вопросов больше не имею.

– Все, – девушка бросила взгляд на компьютер прикрепленный к предплечью и профессиональным рывком сняла маску с лица. – Можешь снимать.

– Уже?

– Ага. Сейчас охладегу прогоню раза три через патрубки. Потом наполнение, контрольная проверка и можно будет отчаливать. Скучаешь по дому?

– Дык, как бы нет у меня дома. С родоками я особо не общаюсь уже лет как восемь. Как и с родней. С сестричкой только младшенькой иногда пересекаемся. Маринкой. В Москве живет. А так, с вахты прилетаю, домик снимаю небольшой. В лесу. Набираю жратвы на четыре месяца, подключаю «ГлобалНет», затариваюсь спиртным и гудим с Алиской. Как собутыльник она никакой. Не пьет. Но как «свободные уши» для меня, когда я нажрамси, то, что доктор прописал.

– Я заметила, ты к этому роботу очень тепло относишься, – набирая что-то на компе сказала Берта.

– Почти двенадцать лет уже болтаемся вместе.

– А живую девушку, что, найти не судьба?

– Кому я нужен? – засмеялся я. – Кроме фамилии, у меня ни денег, ни земель. Как у Латыша, хер да душа. Извини. Мы так в Княжестве говорим. Нихрена, в общем.

– Это тебе только кажется, – повернувшись и внимательно глядя мне в глаза сказала Берта. – Ты симпатичный мужчина.

– Да ну тебя, – скривился я.

– Здравсте! – прозвенел звонкий голосок. – Госпожа, позвольте войти!

Я обернулся. Алиска стояла около выхода и держала в обеих руках черный стакан, над которым вился игривый дымок.

– Блин! Я и забыл совсем, ты ж мне суп обещала принести, – воскликнул я.

– Зайди, – негромко ответила Берта. Алиска сделала быстрый книксен и проскользнула ко мне в тесную нишу с перекрученными проводами.

– Держи. Госпожа, что вы будете кушать на обед? – спросила Алиса.

– На меня делай то, что и на всех, – раздраженно ответила Берта.

– Ну, придумай что-нибудь, – скрипящими с бодуна мозгами пробормотал я, – что-нибудь особенное. Скоро домой!

– Госпожа, разрешите удалиться? – опять сделав книксен спросила Алиса.

– Иди, – не оборачиваясь ответила Берта.

Я отхлебнул глоток бульончика. Супчик был превосходный. Он, словно мягкая патока, блаженно разлился по моим многострадальным кишкам. Я аж заурчал от наслаждения. Вдруг раздался какой-то оглушительный звон. Мы с Бертой резко обернулись. Алиска испуганно смотрела на нас, а на полу валялся ярко-красный инструмент для съема кожу-ха. Дурочку, видимо, он привлек своей необычной формой. Мышонок, как глупая ворона, любила все блестящее и загадочное. Я уже было хотел пошутить, но внезапно, прямо над моим ухом раздался резкий окрик Берты:

– Робот! Пошел вон отсюда! Быстро!

Алиска начала пятиться задом к выходу. Я повернулся к

Берте. Она схватила кронштейн от снятого кожуха и запустила им в Алису. Он, ударив ее по голове, упал на пол с глухим металлическим стуком. Алиска кланяясь и быстро тараторя: «Простите... Простите...» как пуля выскочила из помещения. Я оторопел.

– Чего ты...

Берта уперев руки в бока пыталась успокоить яростное дыхание.

– Вообще обнаглела. Знаешь, ты своего робота разбаловал дальше некуда.

Я все еще сидя на полу подбирал слова, чтобы и не оскорбить девушку и как-то сгладить ситуацию. Но то, что произошло меня полностью выбило из колеи.

– Ну она же извинилась.

– Извинилась... Ладно, я тут буду заканчивать, мне твоя помощь больше не нужна. Спасибо.

Берта отвернулась и продолжила что-то набирать на компике.

– Как знаешь, – я растерянно поднялся с пола, посмотрел на ее раздраженную спину и начал протискиваться к выходу. С бульоном в руках я чувствовал себя довольно по-дурацки.

– А обедать во сколько будем? – спросил я.

– Я передумала, – не оборачиваясь ответила девушка. – Без меня пообедайте. Я в луноходе поем.

– Ладно, – еще более растерянным голосом проговорил я. – Ну, увидимся вечером.

– Пока, – уже почти спокойно сказала Берта.

Я вышел из конвейерной, пересек шлюз и уже почти свернул в коридор, как внезапно из-за угла выскочила Алиска и упав на коленки обхватила мои ноги.

– Зая, прости, прости! – быстрым речитативом запричитала она, – я дура! Дура!

– Все хорошо, не расстраивайся.

Я пытался успокоить андроида, но на душе из-за поведения Берты было препогано.

– Все нормально. Иди готовь обед.

– Прости, прости, Зайка!

– Ну все, проехали! – я поднял ее с колен, обнял и погладил по голове. – Она в тебя сильно попала?

– Нет, чуть-чуть совсем. Не переживай!

– Ну все, иди готовь обед.

Алиска побежала на кухню. Я медленно пошел по коридору. Заглянул в кают-компанию, в надежде, что Кевин будет там. Амера не было. Я решительно направился к шкафчику с наливкой. Открыл. Налил себе чутка, подумал и долил до половины стакана. Махнул их не запивая и не закусывая. Облокотился задницей о шкаф с посудой и задумался. Берта меня поразила. «Отвыкли вы, Владимир, от представителей высшего общества за эти годы», – криво усмехнувшись, подумал я про себя. Мозги стали приятно затуманиваться. Я потопал к Кевину. Остановился возле его каюты и нажал на кнопку вызова. Дверь услужливо шмыгнула влево. Кевин,

лежа на кровати, повернул голову, широко улыбнулся и сел.

– Растрепанный у тебя видок, братишка, – внимательно глянув на меня заключил Кев. – Ты там случайно эту стерву раком не поставил к щиту охлаждения?

Кевин заржал как больной.

– Не. Хуже. Она с Алиской поцапалась, – отводя от него взгляд сказал я.

– В смысле поцапалась? Ха! Так она ж Конфедератка! Они и нас то за людей почти не считают, а роботы и подавно для них, как грязь под ногами. Чего я только не наслушался за эти годы в Порту. Конфы и охотятся на них. И в войнушку с ними играют. Ну там с грабежами, изнасилованиями.

– Ну ты уже херню несешь, братан, – не выдержал я, – я понимаю, что Берта тебе не нравится, но охота на андроидов... Изнасилования... Бред сумасшедшего.

– Стоп! Как ты сказал? Берта? – Кев внимательно посмотрел на меня. – Влад, только не говори мне, что ты попал под обаяние этой суки. Ты что, совсем дурак? Она же из семьи советника. Эти мрази и Великое Княжество постоянно кусают.

– Ни под кого я не попал, – огрызнулся я, – просто не люблю, когда херню всякую собирают.

– Ясно, – разочарованно протянул Кевин, – ну смотри сам. Ты мальчик уже взрослый. А чего опять поддатый?

Я поразмыслил пару секунд:

– Так домой же лечу. Твоим ничего не нужно передать?

– Нет, ты не поддавайся. Ты бухой. Я ж прилетел только три дня назад.

Я неопределенно махнул рукой. Затем спросил:

– Обедать будешь? – и добавил. – Конфедератка не придет. В луноходе будет есть.

Кев аж воспрянул духом.

– Серьезно? Тогда скажи Алиске пусть накрывает. Ща приду.

– Алиса! – сказал я негромко и тряхнул ай-ди браслет.

– Да, Зай? – в микронаушнике раздался голос робота.

– Накрывай обед. Берты... Госпожи не будет. Только я и Кев.

Алиска надолго замолчала.

– Я точно ее рассердила, – казалось робот вот-вот расплачется.

– Успокойся! – рявкнул я. – Она просто решила пообедать в луноходе.

– Правда? – спросил робот.

– Век воли не видать! – заключил я и пьяно подмигнул Кевину. Обед прошел скомкано. Кевин быстро выхлебал борщ, схватил тарелку со вторым и сильно извиняясь убежал в свою каюту. Впрочем, это было неудивительно. Когда ты на «белой пыли» тебе хочется жрать, спать и летать в раздумьях о «вечном». А так как за станцию фактически пока еще отвечал я, то он с удовольствием мог предаваться любимому хобби – обдолбаться и дремать под тихое гудение реактора.

Благо, его каюта была недалеко от «сердца» станции. Я вяло похвалил Алису за вкусный борщ и пошел к себе. Башка начала трещать, и я тоже решил дремануть.

– Аля, ты придешь?

– Зай, мне нужно на кухне повозиться. Для Кевина все подготовить. Мы же улетаем, а он опять все банки перепутает.

– Ясно. Ну давай. Пойду посплю. Не буди меня часа три-четыре.

– Хорошо, Зай. Проснешься, сам позовешь.

Войдя в каюту, я наскоро принял душ, переоделся, почистил зубы и с удовольствием забрался на свежее постельное. Как перевернутый на спину жук взбил ногами непослушное одеяло, уткнулся в подушку и почти сразу вырубился. Из мрака похмельных сновидений меня вырвал сигнал входной двери. Я прокашлялся спросонья и сказал: «Войдите!»

В двери стояла Берта.

Я сел на кровати и тупо смотрел на нее. «Можно?» – негромко спросила она, с серьезным видом опершись рукой на дверной косяк.

– Да. Входи конечно.

Берта вошла, и ловким пируэтом достала из-за спины пузатую бутылочку, которую прятала до поры до времени.

– Влад. Я хотела бы извиниться. Не злись, пожалуйста. Не знаю, что на меня нашло, – девушка опустила голову, затем одной рукой поправила волосы и робким жестом махнула бу-

тылкой. – Это поможет загладить мою вину?

– Да я и не злюсь, – сказал я и чуть помолчав добавил. – Хотя если честно, мне было неприятно. Алиска... Она просто как ребенок. Глупый, маленький ребенок. Тем более в последнее время ее процессор частенько глючит. Но я для нее единственный близкий человек на всей планете. Как, в принципе, и она для меня.

Берта увидела столик, поставила бутылку на него и слегка замаялась. В каюте кроме кровати присесть было больше нигде. Я понял ее растерянность и поднялся. Извинился. Надел брюки и майку (она при этом деликатно отвернулась), застелил одеяло и пригласил ее жестом, мол, садись. Девушка присела. На ней были рабочие штанишки с логотипом «Синергия», голубая маечка и темная байка с капюшоном.

– Что тут у тебя? – негромко пробормотал я поднося этикетку на бутылке к свету.

– Ты обалдела? Это же «Курвуазье»! Его разве еще выпускают?

– Да так. Старые запасы. Для особых случаев. А сейчас именно особый случай.

– Берта. Ты рвешь мне шаблоны. Девушка из «листа», извиняется за то, что накричала на андроида и приносит его хозяину бутылку редчайшего коньяка? Ты точно из «листа»? Даже если это не так и тебя «отсадят» на год, я готов тебя поддерживать материально.

– Спасибо, Влад, – усмехнулась Берта, – но я Берта Стайн.

И ей я умру. Выпьешь со мной?

– Конечно! – Я тряхнул айдишником. – Алиса!

– Да, Зай? – мгновенно раздался голос робота.

– Принеси мне, пожалуйста, два стакана с кухни, – попросил я.

– Там в шкафчике твой набор рюмок стоит. Кстати, спроси у Кевина, что он будет ужинать, – в наушнике раздавался стук посуды.

– Я не с Кевином, – сделав почти незаметную, но достаточно заметную для Берты, которая отвела взгляд, паузу, ответил я. Робот отключился.

– Извини, память ни к черту стала, – пошутил я и полез в шкафчик за рюмашками.

– В твои-то годы? – улыбнулась Берта.

Я откупорил бутылку. Разлил коньяк по металлическим рюмочкам, содрогаясь от мысли, что употребляю такую драгоценную жидкость, как последний мизерабль. Но на станции коньячных бокалов мы не держали отродясь. Берта, заметив мою гримасу, улыбнулась и начала рассматривать кастрюлю.

– Все! Готово! – я разломал на кусочки завалившуюся в том же шкафчике шоколадку.

– Давай!

– С тебя тост, – взяв рюмочку в руку сказала Берта.

– Я хочу выпить за то, что сегодня жизнь преподнесла мне очередной урок. Когда ты думаешь, что знаешь весь этот мир

насквозь и можешь предугадывать поступки людей, всегда найдется кто-то, кто разрушит твой приятный уютный мирок до основания, а когда этот кто-то еще и чертовски красив, то жить вообще становится веселее. За тебя, Берта!

Мы тихонько чокнулись рюмашками. Я отпил малюсенький глоточек, насладился вяжущим дубовым вкусом, и медленно отправил пятьдесят грамм божественной жидкости вниз по «кроличьей норе». Берта выпила коньяк как пьют женщины, которые не в ладах с алкоголем. Быстро, с каким-то надрывом, вытянув губы и смешно запрокинув голову. Сморщилась, взяла кусочек шоколада и стала его жевать. Я же медленно следил за горячей волной, которая начала смешиваться с пульсирующей от удовольствия кровью. Боже... Как давно я пил настоящий коньяк.

– Ты не против, если я закурю? – с поблестевшими от удовольствия глазами спросил я девушку.

Она пожала плечами.

– Кури. Хотя, если честно, я не понимаю, как можно курить эту химическую дрянь. Папа с Гектором курят только натуральный табак. Да и насколько я знаю, в Великом Княжестве тоже растут прекрасные сорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.